

12. Yanbuhtina A.G. Mihail Kuznecov. Zhivopis. Hudozhnik. Vremya. Socium. /k stranicam istorii ufimskoy peyzazhnoy zhivopisi posledney treti XX stoletiya – na rubezhe vekov [Mikhail Kuznetsov. Painting. Painter. Time. Society], Avtor: Avtor-proekt, Ufa, 2009. 128 p. (in Russian).

М.Л. Лебедева

доцент Белорусского государственного университета

ОБРАЗ РОДИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О СОВЕТСКОМ ДЕТСТВЕ¹⁵¹

Аннотация: В статье рассмотрены художественные принципы формирования образа Родины в современной литературе о советском детстве, представленной как традиционными жанрами (роман), так и повествованием на стыке документального и художественного дискурсов (письма, дневниковые записи). В зависимости от изображаемого исторического времени и авторского идеала трансформируется детализация образа Родины.

Ключевые слова: образ Родины, современная литература, советское детство, хронотоп, дискурс.

THE IMAGE OF THE MOTHERLAND IN MODERN LITERATURE ABOUT SOVIET CHILDHOOD

Abstract: The artistic principles of the formation of the image of the Motherland are considered in the article. It is dedicated to modern literature, which tells about Soviet childhood and is represented by traditional genres (novel) and narration at the intersection of documentary and artistic discourses (letters, diary entries). The detailing of the image of the Motherland is transformed depending on the depicted historical time and the author's ideal.

Keywords: image of the Motherland, modern literature, Soviet childhood, chronotope, discourse.

Формирование образа Родины в русской литературе о детстве традиционно связано с пространством семьи и дома и представляет собой определенным образом организованную иерархию «родина» – «Родина», где первая подразумевается в значении «малая», а вторая хоть и всеохватна, но непременно ассоциируется с ней.

Русская религиозно-философская мысль рубежа XIX-XX веков утверждает идею семьи как святыни: «Семья – это “Аз есмь” каждого из нас, «святая земля», на которой издревле стоят человеческие ноги. Это есть целый клубок таинственностей, узел, откуда и начинаются нити, связующие нас, ... то есть начало религии, религиозных сцеплений человека с миром» [6, с. 65]». Осмысливаемая в религиозном ключе, именно семья определяет связь человека миром, который, в свою очередь, соотносится с родной землей, с Родиной. Аккумуляция этих связей ощутима и в советской литературе о детстве, в которой к семье и дому «присоединяются» социальные пространства – двор, детский сад, школа. При этом в художественном тексте визуализация

---

¹⁵¹© М.Л. Лебедева

ция родной земли зачастую несет на себе дополнительную смысловую нагрузку, как, например, в песне на стихи М. Матусовского: «С чего начинается Родина? С картинки в твоем букваре...». Букварь, по которому учится читать ребенок, предлагает визуализированный образ, чтобы восприятие Родины было максимально конкретно, и только вслед за этим в тексте появляются «хорошие и верные товарищи», то есть люди, на которых ребенок может положиться, которым может довериться. Обратим внимание на сему «вера», актуализирующую религиозную природу чувства Родины.

В современной литературе о советском детстве образ Родины преломляется через призму воспоминания, через воссоздание многомерного пространства той Родины, которая мыслится автором как безвозвратно утерянная. «Традиционное представление о “детском” топосе», как правило, сопряжено с воссозданием локализованного во времени и пространстве идиллического хронотопа» [7, с. 54], и это во многом характерно для современной литературы о советском детстве именно потому, что создание автором художественного пространства происходит через погружение в прошлое, через подробную детализацию места и времени, бережно собираемую «по памяти» и складывающуюся в яркий, узнаваемый «посвященным» читателем образ Родины из советского детства или той, что была «до детства», если речь идет о времени, «до которого» читатель еще не родился. Авторское же отношение к Родине реконструируется через систему образов, событийный ряд, наличие или отсутствие иронии, положительных или отрицательных коннотаций при маркировке персонажей. Примечательно, что восприятие Родины оказывается наднациональным, образ ее фактически воспроизводится через «принадлежность одной природе, прежде всего – символической: единство культуры, языка и истории» [8, с. 20], но осязаем и собственно национальный колорит. Это «прослеживается в дискурсе национальной интеллигенции, апеллирует к авторитету литературной традиции, к “корням” и “почве”». Подтверждением тому является современная художественная практика: опыт Ю. Полякова, Л. Улицкой, Н. Абгарян, Т. Мжаванадзе при всем многообразии творческих методов связан с указанной выше апелляцией.

«Детство – это родина сердца», – такова идея, высказываемая Ю. Поляковым в предисловии к роману «Совдетство» [5, с. 5]. Именно она определяет авторскую концепцию, в контексте которой и формируется образ Родины в произведении. Через отношение к героям и положениям, фактам и событиям, деталям и подробностям бытового плана раскрывается мировоззрение автора и «его» Родина. В «Совдетстве» комната в общежитии (равно как и оно само, наполненное персонажами, каждый из которых – часть художественного измерения «дома»), школа (в этом пространстве завязываются дружбы, симпатии, рождается первая любовь), школьный сад (с ним главный герой соизмеряет свое взросление: «Ягоды, конечно, уже все обобрали подчистую. Зато, легко дотянувшись, я сорвал зеленое яблоко, а ведь раньше мне приходилось карабкаться по стволу или подтягиваться на ветке, чтобы добраться до плодов. Расту!» [5, с. 151]), город (Москва в романе максимально маркирована точными названиями районов, улиц, станций метро и т.д., и каждое из них детализирует малую родину, разрастающуюся до Родины большой, формирующей восприятие действительности героем и автором).

Концептуальную роль в создании образа Родины в литературе XXI века о советском детстве играет интерактивность как коммуникативный фактор и одновременно сущностная характеристика взаимодействия автора с читателем – потенциальным соавтором. Так, в предисловии Ю. Поляков напрямую обращается к читателю: «Сознаюсь, это очень непросто – воссоздавать ушедшее время: многое забылось, исказилось,

покрылось домыслами, а что-то преобразилось под поздними впечатлениями до неузнаваемости. Если вы, дорогие читатели, обнаружите в моей книге неточности, искажения, а то и откровенные ошибки, прошу не счесть за труд и сообщить мне по адресу yuripolyakov@inbox.ru» [5, с. 6].

На взаимодействии автора-составителя с читателями-соавторами, позволяющее досконально детализировать хронотоп советского детства (и тем самым из предметных деталей воссоздать образ Родины) построена книга «Детство 45-53: а завтра будет счастье», проект Л. Улицкой. Воспоминание как способ моделирования образа ушедшего времени и пространства оказывается посредником в создании образа ушедшей Родины, которая, несмотря на материальные трудности, описываемые в главах «Ели...», «Пили...», «Мылись...», «Одевались...», «Коммуналки и соседи» и др., предстает светлой и полной жизни. «Мы должны, мы обязаны делать это усилие воспоминания» [2, с. 4], – подчеркивает, анонсируя книгу, Л. Улицкая. Из писем, «посланий в неведомое», а также из записей внуков, сделанных со слов людей, чье детство пришлось на конец 1940-х – начало 1950-х, реконструируется образ страны; через повествование от первого лица, с характерной для него установкой на искренность, доверительный тон, прямое обращение автора к реципиенту, транслируется ощущение достоверности, документальности этого образа.

Примечательно, что в зависимости от изображаемого времени укрупняются разные предметно-психологические детали детства, опосредованно «работающие» на образ Родины (и параллельно – современной жизни, в которой этим деталям нет места: «много просто стало “немодным” – кажется, именно это произошло со старыми семейными альбомами» [2, с. 9]; обратим также внимание на актуализацию идеи семьи, преемственности поколений через «семейный альбом» в качестве предметной детали, выброшенной на помойку, то есть на метафору отказа от семьи, рода, памяти).

В романе Н. Абгарян «Манюня», в котором реалии советского детства переплетаются с национальным, природным, «естественной жизнью», на первый план выходит тема провинции, характерная для русской литературной традиции. Произведение начинается риторическими вопросами, адресованными напрямую читателю. «Много ли вы знаете провинциальных городков, разделенных пополам звонкой шебутной речкой, по правому берегу которой, на самой макушке скалы, высятся развалины средневековой крепости?» [1, с. 5], «Много ли вы знаете провинциальных городков, которые покоятся на ладонях покатых холмов?» [1, с. 5], «Много ли вы знаете провинциальных городков, где можно забраться на высокую окружную стену разрушенного замка и, замирая от страха и цепляясь холодными пальцами за плечи друзей, глядеть вниз, туда, где в глубине ущелья пенится безымянная речка?» [1, с. 6]. Родина здесь показана через природу (речка, холмы), историю (средневековая крепость, разрушенный замок), друзей («цепляясь за плечи друзей»), от прошлого к настоящему, в котором узнаваемы детали советского быта, отношений между людьми. Это история о дружбе (обязательный и важный элемент сей современной литературы о советском детстве, поскольку психологическая проблема дефицита искренних и непосредственных дружеских связей сегодня оказывается особенно значимой в свете виртуализации «дружбы» и нивелирования самого понятия «друг» до «друга в сети»), о семье, буднях и праздниках (в рамках популярной сегодня концепции культуры повседневности). Малая родина, которая в романе и есть Родины, изображается именно через актуализацию мотивов дружбы, семьи («жили-были в городе Берд две семьи – Абгарян и Шац» [1, с. 7]), дома, повседневности. Дружба показана и как межличностная связь, и как единение людей вне зависимости от национальности (сцена на курорте, где

встретились представители разных республик, доброе отношение между всеми), подспудное утверждение интернационализма как ценности, которая была в советском детстве. Это важно для понимания духа эпохи, атмосферы времени и того образа Родины, который воссоздан в «Манюне».

В названии романа Т. Мжаванадзе «Лето, бабушка и я» акцент делается на времени и родовой преемственности. Положительные ассоциации с летом (воспоминания о детстве солнечные) как порой года, каникулами как свободой наслаиваются на идею взаимодействия «Дидэда» («Я долго думала, что бабушку зовут Дидэда. Оказалось, что это означает – “большая мама”» [4, с. 6]) и внучки, от лица которой ведется повествование. Женское начало в реализации идеи рода акцентируется неоднократно в романе («Смотри, ты когда матерью станешь, рожай до тех пор, пока девочку не родишь! Сыновья – счастье, а дочь – это ангел. Для женщины спасение только в дочери. Это ты сейчас не поймешь, а когда станешь большая, молись, чтобы тебе Бог дочь подарил» [4, с. 9]) и в широком смысле проецируется на образ Родины – матери всего сущего. Не случайна в произведении и, условно говоря, религиозная лексика, характерная для речевых характеристик бабушки («Аминь», «Бог», «ангел» и др.), и соответствующая детализация пространства: «Я живу в раю. Кругом – зеленые заросли, двор с горкой песка и щебня, отданной в мое полное распоряжение, цыплята с очень сердитой мамашей, собака, вечно в ссорах с соседскими, папа на работе, и где-то рядом – бабушка в соломенной шляпе. Дом – большущий, в нем одна комната, перегороденная оранжевыми занавесками, они на ощупь как длинные волосы» [4, с. 31]. Олицетворения и сравнения, ассоциация самого детства с потерянным раем и шире «работают» на актуализацию материнского начала в образе Родины.

При любом типе повествования в создании образа Родины в современной литературе о советском детстве стилиевой доминантой является предметная деталь, всегда семантически нагруженная. Именно за мелкими «приметами времени», фиксирующими исчезнувшую повседневность, словно за «деревьями», виден «лес» – тот образ большого мира, который отражен через ретроспективу и мировоззренческие ориентиры автора; из деталей выстраивается пространство «родины» и «Родины». Светлые воспоминания (даже при самых стесненных материальных условиях авторы и герои книг XXI века советском детстве демонстрируют приязнь к тому времени и пространству, о котором идет речь в произведении), приоритет ценности семьи, дружбы, доверия, любви определяют концепцию образа Родины в современной литературе о советском детстве, стиливую детализацию времени и места действия. Через экскурс в «начало жизни», даже если автор не ставит своей непосредственной задачей показать образ Родины с положительной стороны, иронизируя над какими-либо реалиями, персонажами, событиями («писатель и не хотел бы, а скажет гораздо больше, чем задумал» [3, с. 6]), реконструируется одобрение и подспудная идеализация не только самой поры детства и детства как «родины сердца», но времени, пространства, духовной жизни, характерных для него и слагающихся в образ Родины.

Список литературы:

1. Абгарян Н. Манюня. М: АСТ, 2020. 317с.
2. Детство 45-53: а завтра будет счастье / авт.- сост. Л. Улицкая. М: АСТ, 2014. 538 с.
3. Лебедева М.Л., Северинец А.К., Коренькова О.Л. Практическое литературоведение: что сказал писатель. Ростов-на Дону: Феникс, 2015. 317 с.
4. Мжаванадзе Т. Лето, бабушка и я. М: АСТ, 2021. 347 с.